

Хоть заправлял всем разговором мастер Пан, в деле мне предстояло положиться на его супругу. Именно она была настоящим, истинным шаманом-практиком.

Поговаривали, что в свое время эта чета вернулась на Северо-Восток как раз для того, чтобы принять семейную обитель, доставшуюся им от предков.

— Насчет нас двоих не сомневайся, — мастер Пан, выросший при действующем святилище, знал все тонкости дела от и до. — Но тебе позарез нужен эршэнь, то есть Саньхай банбин. Без него призвать бессмертных духов не получится, а это чревато большим несчастьем.

— Мои домашние покровители указали только на вас, больше ничего не говорили, — быстро отозвался я, стараясь ковать железо, пока горячо.

Разумеется, мне хотелось спихнуть на него все хлопоты под ключ. Я ведь только приехал в эти края и ни единой живой души не знал.

— Ладно, договорились, — пообещал мастер Пан. — Жена знает одного толкового малого. Силы ему не занимать, я свяжусь с ним. — Он на секунду замялся, бросив на меня оценивающий взгляд. — Только учти: за качество надо платить. Берет он недешево.

При упоминании денег у меня в голове сразу помутилось. Мой батя слов на ветер не бросает: если отрезал, что с довольствия снимает, значит, больше ни гроша не перепадет. Становиться шаманом-практиком ради заработка я не планировал, так что мои скромные сбережения таяли на глазах.

Обиднее всего, что учился-то я на отделении масляной живописи. А эта стезя — сплошное разорение: купишь какую-нибудь мелочь — сотки как не бывало, решишь обновить палитру — прощай еще пара сотен.

— И... сколько он просит? — робко спросил я. — Вы не подумайте ничего такого, просто я бедный студент-художник, карманы почти пустые.

— Ну, для начала приготовь юаней 600, — усмехнулся мастер Пан, похлопав меня по плечу. — Это с запасом, на всякий пожарный.

Шестьсот юаней! Сумма для меня приличная. Похоже, в этом семестре о мясных деликатесах придется забыть. Что ж, добро пожаловать на вечную диету в студенческую столовку.

Сгибаясь под тяжестью безрадостных дум, я поплелся к своему новому жилищу. Оказалось, Ху Линлин времени зря не теряла: она припахала нескольких праздных подруг-лисиц, и те вылизали дом до блеска. Мрачная атмосфера улетучилась, мебель так и сияла чистотой.

Мне безумно хотелось узнать, как они умудряются драить полы, являясь лишь в бесплотном

духовном обличье. Работа была выполнена на совесть. Интересно, согласятся ли они батрачить на меня и дальше?

«Будем честны: в быту я знатный лодырь, и уборка для меня — худшая из пыток»

День моего посвящения в шаманы навсегда врезался в память. До этого момента обряд открытия обители казался мне чем-то невероятно таинственным, овеванным древней мистикой.

Если кому любопытно, забейте в поисковик «чума» или «поднятие шаманского шеста» — в сети полно роликов. Праздному зрителю все это покажется забавным балаганом, но для меня тот день превратился в настоящее испытание на прочность.

На октябрьские праздники однокашники звали меня на пленэр с ночевкой в палатках, но я вежливо отказался. Нужно было спешить домой. Из нашей глуши уже приехали родители — они твердо вознамерились лично присутствовать при освящении алтаря.

После бесконечных проволочек и переносов настал тот самый день. Под абсолютно чистым, безоблачным небом мне предстояло бесповоротно ступить на тернистую тропу традиционных верований, откуда обратной дороги уже не было.

В полдень на пороге появились мастер Пан с супругой. Мама встретила гостей с истинно южным гостеприимством.

Готовить мама умела отменно, хоть и баловала нас редко. Специализировалась она на изысканной южной кухне, а вот суровые северные яства давались ей со скрипом. Наш гость, будучи родом из провинции Шаньси, детство провел на юге, так что мамины кулинарные шедевры уплетал за обе щеки — аж за ушами пищало.

Супруга мастера тоже оказалась женщиной на редкость приветливой. Сама по себе она была дамой в теле, но рядом со своим упитанным мужем смотрелась вполне изящно.

— Ох, сестрица, сердце прямо не на месте, — сокрушалась мама, наливая ей чаю. — Неужто нашему Дачуаню теперь век суждено людские хвори лечить да судьбу предсказывать? Я ведь слышала, что у шаманов век недолог, а под старость они все до единого мыкают горе.

Гостья сочувственно улыбнулась и принялась ее успокаивать:

— Полно тебе, милая. Те, о ком ты говоришь — просто рвачи. Пользуются силой духов, чтобы набивать карманы, да темными делишками промышляют. Паршивая овца в любом стаде найдется. А твой Дачуань — праведник в девятом поколении. Если и эту жизнь проведет в благочестии, то после смерти сразу причислится к лику святых угодников. Разве станет такой человек творить зло?

Про «праведника в девятом поколении» родители слышали впервые. Они тут же принялись расспрашивать гостью, что это за диковина такая. Разъясняя им тонкости кармы, почтенная женщина с умилением поглядывала на меня:

— Великую благодать вы заслужили в прошлых перерождениях, раз такое дитя пришло именно в ваш дом. Помяните мое слово: на старости лет будете купаться в заботе и почете.

Отец чокнулся с мастером Паном, осушил рюмку и уставился на меня так, будто перед ним сидел пришелец из далекого космоса.

— Вот этот оболтус? — фыркнул он. — Да этот мелкий мерзавец мне каждый день кровь сворачивает! И он — праведник?!

Я так и подскочил на стуле:

— Пап, ну имей совесть! Если ты меня не ценишь, это не значит, что можно наговаривать. Мама во мне души не чает!

Мама тут же приняла мою сторону и грозно зыркнула на отца:

— И то верно! Чем тебе сын не угодил? Сам ведь еще третьего дня перед соседями петухом ходил, хвастался, что Дачуань в университет поступил!

Я мысленно ухмыльнулся.

«Надо же, грозный батя, оказывается, втайне мной гордится. Ладно уж, прощаю ему ворчание»

Поняв, что его раскрыли, отец смущенно кашлянул и принялся суетливо подкладывать мастеру Пану закуски. За шумной застольной беседой время пролетело незаметно — на часах уже стукнуло семь вечера.

Вскоре пожаловал и тот самый эршэнь, которого сосватал мастер Пан. Парню было на вид около двадцати пяти: плечистый, коренастый крепыш в кричащей кожаной косухе. Обе его руки от запястий до плеч покрывала плотная вязь татуировок с изображением восьми классов буддийских божеств. С первого взгляда его запросто можно было принять за мелкого авторитета из подворотни.

Звали парня Ван Цзянь. Промысел этот у них в роду передавался по наследству, так что духов он начал зазывать еще сопливым пацаном.

— Уважаемые, и ты, братишка, — заговорил Ван Цзянь, усаживаясь за стол. — Прежде чем ударим по рукам, надо прояснить пару моментов. Чтобы потом без сюрпризов.

Родители тут же пододвинулись ближе, ловя каждое слово специалиста.

Ван Цзянь бережно извлек длинный деревянный шест, к которому крепились три курильницы и лоскуты разноцветной парчи.

— Начнем с ритуала поднятия шеста. Почему он так называется? Когда пробьет час, ты крепко сожмешь его в руках. На этот шест станут являться и рассаживаться духи-покровители. Если почувствуешь, что сил держать больше нет — сразу бросай на пол. Сейчас он кажется пушинкой, но когда повалят гости, тяжесть станет невыносимой. Как только я застучу в бубен — ритуал начнется. Имейте в виду: духи приходят разные. Старые вожаки действуют быстро, а вот молодежь, у которой стаж медитации невелик, любит покапризничать и затянуть дело. Тут все зависит от тебя, парень. Если какой-нибудь гость привяжется к твоему языку, начнет молоть чепуху без умолку или просто глупо хихикать — возьми волю в кулак и завали хлебало. Я со своей стороны сразу таких балластных и слабых сущностей буду отсекаать и отправлять восвояси. Иначе мы тут до утра промучаемся.

Слушая уверенную речь Ван Цзяня, мы понимали: парень дело говорит, в своем ремесле собаку съел. Никакого надувательства.

— Тетушка Пан возьмет на себя само освящение обители, а ее личные духи-хранители проследят за порядком, — продолжал объяснять Ван Цзянь. — Вы, дядя с тетей, садитесь рядом с дядей Паном. Если кто из прибывших сущностей потребует выпить или закурить — подавайте без промедления. Задобрим гостей — Дачуань меньше мучиться будет.

Родители закивали в знак согласия. Отец кивнул в сторону летней кухни:

— Мы там все приготовили: и крепкую водку, и свежие яйца... Я даже через знакомых достал пару пачек «Панды». Хватит?

Я не сразу сообразил, что отец имеет в виду дорожные элитные сигареты, а не бамбуковых медведей из Сычуани.

«Батя у меня дымил как паровоз, и то, что он раскошелился на такой дефицит ради моего ритуала, тронуло меня до глубины души. Вот уж действительно — отцовская любовь»

— Ого, дядь, «Панда» — это вы загнули! — присвистнул Ван Цзянь. — Духи народ неприхотливый, элитный табак им ни к чему. Обычное курево сойдет.

И вот час Икс настал. Меня усадили на циновку посреди комнаты. В руки всучили этот дурацкий шест с разноцветными лентами, а на голову набросили плотный красный отрез ткани. Выглядел я со стороны как форменный умалишенный, сбежавший из лечебницы.

Ван Цзянь забил в бубен, затянув заунывный, вибрирующий шаманский напев. От этих

ритмичных звуков голова сделалась тяжелой, веки налились свинцом. Я отчаянно боролся со сном, как вдруг почувствовал, что деревянный шест наливается чугуной тяжестью. Сквозь щелку в красной ткани я скосил глаза вверх и обомлел: верхушка шеста утопала в густом молочном тумане, похожем на облака у врат небесного чертога. В этих призрачных завихрениях отчетливо проступали силуэты — среди них я угадал несколько до боли знакомых очертаний.

В какой-то момент ноша стала неподъемной. Пальцы разжались, шест с грохотом повалился на пол, а я провалился в глухое беспамятство.

Очнулся я от того, что надо мной кто-то шумно вздыхал. Вокруг стояли встревоженные родственники и гости. Сам я лежал пластом на полу, разило от меня дешевым сивушным перегаром и едким табачным дымом. Возле моей головы валялась добрая сотня окурков и пустая пиала.

— Все? Закончили? — прохрипел я.

Тело ломало так, будто по мне проехался каток. Кое-как потянувшись до хруста в позвонках, я наконец почувствовал облегчение.

— Братишка, да ты у нас, никак, небожитель разжалованный! — вытаращив глаза, выдохнул Ван Цзянь. — Твоя новая свита... там же ни одного простого духа, все как на подбор матерые крутыши!

Будучи в отключке, я понятия не имел, о чем он толкует.

— В смысле? Что-то пошло не так?

— Да какое там «не так», тут сенсация мирового масштаба! — замахал руками парень. — Ты хоть соображаешь, кто возглавил твою обитель в качестве великого предводителя? Сама Черная матушка! Верховная заступница Северо-Востока, владычица над всеми духами! Мать моя женщина, она лично пришла руководить твоим алтарем!

— Чего?! — у меня аж челюсть отвисла.

«Погодите, а как же Шестой господин Ху Тяньшэ?»

Я-то был уверен, что за главного останется именно Шестой господин. Ведь это он сосватал меня в шаманы, да и Сяобао с остальными твердили, будто старик станет моим непосредственным наставником.

— Не, Шестой господин Ху возглавил у тебя Палату Лисиц, — пояснил Ван Цзянь, разглядывая меня как диковинного зверя в зоопарке. — Он идет сразу вторым после Черной матушки и

будет заправлять всеми практическими делами. Но ты держись крепче: угадай, кто встал во главе Палаты Змей?

Я лишь беззвучно помотал головой.

«Сказать по правде, со змеиным племенем я почти не пересекался. К Палате Змей относятся все пресмыкающиеся — от безобидных ужей до ядовитых гадюк и гигантских питонов. И кроме Лю Чжэньюань я там никого не знал»

«Святые угодники, неужто мелкая Чжэньюань? Да она же просто капризная девчонка, на которую разориться можно!»

— Черный дракон-владыка Северо-Востока! — патетически воскликнул Ван Цзянь. — Господи боже, понятия не имею, как выглядит его истинный облик, но раз он носит столь грозное имя, силища там невероятная. А вестником между мирами у тебя определился прямой потомок Бяня, одного из девяти сыновей Дракона! Вот это я понимаю — связи на самом верху!

От таких новостей у меня окончательно закружилась голова. Откуда вообще взялось это драконье отродье? Я за всю свою жизнь даже моря-то толком не видел, селился исключительно на суше!

— В наших родных краях старики сказывали, будто в прежние времена у нас каждый год устраивали пышные празднества в честь Бяня, — робко вставила мама.

Ее слова мигом все прояснили. Выходит, этот чешуйчатый покровитель пришел по материнской линии. Логичный пазл наконец сложился.

— Сынок, ты даже не представляешь, кого к себе зазвал! — с гордостью подхватил отец. — Покойный командир твоего деда возглавил Палату Чистого Ветра в качестве второго воеводы! С ним пришли боевые товарищи дедушки, да еще и личная гвардия наших далеких предков присягнула твоему алтарю. Кругом одни свои, проверенные люди!

«Что ж, предки у меня, оказывается, боевые. Не подвели»

— К тому же вестники у тебя не такие, как у заурядных шаманов, — захлебывался от восторга Ван Цзянь. — Обычно вести носят лисы да куницы, а у тебя — лисы и Бессмертные Серые! Сейчас мало кто может залучить в обитель Бессмертных Серых, а у тебя их целых двадцать пять прописалось! Это же чистый магнит для богатства и удачи!

«Тут удивляться нечему. С Линлин и малюткой Сяобао мы знакомы сто лет, их назначение вестниками планировалось с самого начала. Но где же Лю Чжэньюань?»

— А Лю Чжэньюань там числится? — спросил я вслух. — Какая ей роль досталась?

Ван Цзянь на секунду наморщил лоб, пытаясь вспомнить, но тут на выручку пришла супруга мастера Пана, кропотливо заносившая имена в поминальный свиток обители:

— Как же, есть такая. Она определена как хранительница покоев. Будет стеречь твой домашний очаг и сам алтарь.

«Ну все, пиши пропало. Эта егоза теперь из меня душу вытрясет, требуя пломбир круглые сутки»

— Ладно, переведи дух, — скомандовала тетушка Пан, убирая кисть. — Через полчаса выходим на улицу. Тебе еще предстоит совершить Шаги Семи Звезд под моим руководством.

Наскоро перекусив, я послушно поплелся за хозяйкой на пустырь за домом. Небо над головой сияло мириадами созвездий. Тетушка Пан, несмотря на свою грузную комплекцию, двигалась на удивление плавно и грациозно. Мне оставалось лишь в точности повторять ее замысловатые па.

Если честно, со стороны это выглядело донельзя комично: я неуклюже размахивал дымящимися благовониями, виляя бедрами, словно пьяный танцор на деревенской ярмарке. Губы сами расползались в улыбке, но я изо всех сил давил смех. Слишком высоки были ставки — пройти такой долгий путь и все испортить на финишной прямой из-за неуместного веселья было бы верхом глупости.

Мой ритуальный перепляс продолжался минут пять. Мышцы размялись знатно, особенно досталось пояснице. Едва добравшись до постели, я рухнул на матрас и мгновенно отключился. Сны мне в ту ночь снились исключительно светлые.

<http://bllate.org/book/20253/2130933>